

варь буквенных слов, Пекин, 2008]), то часть подобных новообразований помещается в основной корпус, а часть в приложение. Причем, с каждым годом число таких новообразований в приложениях увеличивается.

Каждая из тенденций развития лексики китайского языка требует тщательного изучения и описания. Анализ лексики Словаря неологизмов, подтвердив устойчивость тенденций развития лексики китайского языка, дает повод для дальнейших размышлений о судьбе неологизмов: как происходит адаптация неологизмов; почему одна их часть активно используется в языке и входит в основной словарный состав, а другая исчезает, будучи вытесненной синонимами; оказывают ли буквенные слова влияние на типологию китайского языка и на характер его письменности; что считать нормой в Интернет-лексике и т. д. Бурное развитие Интернет-общения привело к образованию специфической терминосистемы, обладающей своей спецификой и своим сленгом, которые также нуждаются в специальном изучении.

УДК 81.00
ББК 81.00

Н.Л. Адилханян

КОНТИНУУМ СУЩЕСТВ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА В ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья выполнена в русле этно-социо-лингвокультурологических исследований. Объектом исследования послужил континуум сверхъестественных существ, полученный в результате анкетирования представителей русской и китайской языковых культур. Сопоставительный аспект описания полученного континуума придает работе актуальность и новизну.

Ключевые слова: лингвокультурология; культурный код; этнокультурная эмблематика

N.L. Adilkhanyan

CONTINUUM OF SUPERNATURAL BEINGS IN THE EMBLEMATIC ASPECT (IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGE CULTURE)

The article is done within the framework of ethno-socio-linguoculturological approach. The object of the research is the continuum of supernatural beings obtained by questioning representatives of the Russian and Chinese language cultures. The comparative aspect of the continuum description gives the research relevance and novelty.

Key words: cultural linguistics; cultural code; ethnocultural emblems

Библиографический список

1. Жолобова, Е.С. Неологизмы в китайском языке нового периода и сложности их перевода [Текст] / Е.С. Жолобова // Китайское языкознание. Изолирующие языки : материалы XII Междунар. конф. (Москва, 22–23 июня 2004 г.). – М. : Ин-т языкознания РАН, 2004. – С. 103–106.
2. Семенас, А.Л. Лексика китайского языка [Текст] / А.Л. Семенас. – М. : Муравей, 2000. – 312 с.
3. Солнцева, Н.В. Некоторые вопросы неологизмов [Текст] / Н.В. Солнцева // Китайское языкознание. Изолирующие языки : материалы XI Междунар. конф. (Москва, 25–26 июня 2002 г.). – М. : Институт языкознания РАН, 2002. – С. 231–234.
4. 汉语新词词典: 2005–2010 [Text] / 王均熙编著. – 上海: 学林出版社, 2011.
5. Словарь неологизмов китайского языка (2005–2010) [Текст] / сост. Ван Цзюньси. – Шанхай : Сюэлин, 2011. – 266 с.
6. 汉语字母词词典 [Text] / 刘涌泉编著. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2008.
7. Словарь буквенных слов [Текст] / сост. Лю Юнцюань. – Пекин: Преподавание и изучение иностранных языков, 2008. – 273 с.
8. 现代汉语新词语词典 [Text]. – 上海: 上海辞书出版社, 2009.
9. Словарь неологизмов современного китайского языка [Текст] / под ред. Кан Шиюн – Шанхай : Шанхайское издательство словарей, 2009. – 429 с.

В последние десятилетия возникло и получило активное развитие лингвокультурологическое направление в лингвистических исследованиях. Современное языкознание поставило во главу исследований человека и определение его места в культуре. Одно из основных понятий лингвокультурологии – это культурный код (коды). Культурный код в определении В.В. Красных – это «сетка», которую «культура «набрасывает» на окружающий мир, и таким образом членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2003, с. 297]. М.В. Пименова определяет код культуры как «таксономию элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления)» [Пименова, 2005, с. 214]. Не зная кода культуры, невозможно осознать всю полноту смыслов культурных текстов, эти смыслы, значения остаются закрытыми.

Важную роль в понимании культуры имеет этнокультурная эмблематика. Эмблема включает в себя когнитивную составляющую, этническую обусловленность и эмоциональную оценку. За каждой эмблемой стоит пласт культуры, без ее детального понимания становится невозможным «прочитать», что стоит за той или иной эмблемой этнических, социальных, возрастных и т. д. групп.

Во все времена, начиная с глубокой древности, и по сей день потусторонний мир присутствует в нашей обыденной жизни, даже если мы и не отдаем себе в этом отчета. Жизнь современного человека в его верованиях, поговорках, приметах, действиях по-прежнему наполнена древними мифами и суевериями.

Целью работы стало выделение и попытка анализа континуума потусторонних существ, на материале данных, полученных в ходе анкетирования представителей русской и китайской культур. В качестве исследуемого языкового сообщества были выбраны 60 студентов языковых вузов в возрастной группе от 18 до 24 лет – представители двух языковых культур – русской и китайской. В работе нас, прежде всего, интересовал вопрос о континууме сверхъестественных существ в представлениях молодых, современных людей. Анкета, предложенная информантам, содержала три блока вопросов. Первый блок составили во-

просы о том, каких сверхъестественных существ информанты относят к добрым духам, второй блок касался злых духов, третий блок способствовал выявлению существ, которых в их детстве взрослые обозначали, как существ, карающих детей за определенные проступки, а также существ-дарителей, которые должны были наградить и поощрить за хорошие дела и поведение.

К континууму добрых духов китайские информанты отнесли: 佛 (Фо) – Будда Шакьямуни (основатель буддизма, главное божество), 菩薩 (Пуса) – бодисатва, 观音菩薩 (Гуаньинь Пуса) – бодхисатва Гуань-инь, богиня Милосердия, 如来 (Жулай) – Жулай, Татхагата (один из десяти эпитетов Будды), 玉皇大帝 (Юйхуан дади) – Яшмовый владыка (император; верховное божество у даосов), 神仙 (Шэнь сянь) – святой, бессмертный, небожитель (у даосов), 上帝 (Шанди) – верховный владыка Неба, божество, 王母娘娘 (Ван му нянян) – богиня Сиванму (Царица-мать Запада, одна из наиболее почитаемых богинь в даосском пантеоне), 女娲 (Нюйва) – богиня Нюйва (мифическая сестра легендарного императора Фуси), 仙女 (Сянь нюй) – святая дева, небожительница, 土地神 (Ту ди шэнь) – дух (божество) земли, 孙悟空 (Сунь Укун) – Сунь Укун, «Царь Обезьян» (литературный персонаж из роман «Путешествие на Запад» китайского писателя и поэта У Чэньэня, жившего во времена династии Мин).

Носители русской культуры к континууму добрых духов отнесли: «что-то летающее, неизвестное», «что-то красивое, с добрыми глазами и улыбающееся», «белое облако с силуэтом человека», ангела-хранителя, ангелов, духов предков, домового (с пометкой «не всегда»), Бога, Божью Матерь.

Среди китайских информантов 56 % опрошенных отнесли к добрым духам 玉皇大帝 (Юйхуан дади) – Яшмового владыку, 53 % – 观音菩薩 (Гуаньинь Пуса, богиню Милосердия), 30 % – 如来 (Жулай) – Жулай, Татхагату, 26 % – 王母娘娘 (Ван му нянян) – богиню Сиванму, 23 % – 孙悟空 (Сунь Укуна). 10 % – 上帝 (Шанди), прочие духи отмечены менее чем в 8 % ответов. Источниками происхождения названных духов являются религиозные течения Китая – буддизм, даосизм и мифы Древнего Китая, также литературный источник – один из четырех классических романов

Китая – «Путешествие на Запад». Среди представителей русской культуры духи из религиозных источников занимают: 10 % – ангелы, 2 % (Бог, Божья Матерь, ангел-хранитель); 16 % составили духи неясной этимологии – «что-то летающее, неизвестное», «белое облако с силуэтом человека», 10 % указали домового, 5 % – духов предков. Ответ на вопрос о добрых духах вызвал у русских респондентов определенные затруднения, что не было отмечено у китайских респондентов.

К континууму злых духов китайские информанты отнесли: 阎罗王 (Янь ло ван) – Яньло-ван, Яма-раджа (мифический владыка ада, верховный судья потустороннего мира), 白骨精 (Байгу цзин) – «демон белой кости» (страшный персонаж из романа «Путешествие на Запад», который оборачивался миловидной девушкой), 猪八戒 (Чжу Бацзе) – Чжу Бацзе (персонаж романа «Путешествие на Запад», воплощение алчности и похотливости), 厉鬼 (Ли гуй) – злые духи, демоны, 吊死鬼 (Дяо сы гуй) – призрак повесившегося, 无常 (У чан) – Учан, посланец царства смерти, 恶鬼 (Э гуй) – в буддизме – злой демон, губящий людей, 妖精 (Яо цзин) – оборотень, нечистая сила.

К злым духам респонденты – носители русской культуры – отнесли: кикимору (дух в облике женщины, обитает в доме, на подворье, в пустых, заброшенных домах), домового (дух – главный в крестьянском доме, во дворе, отношение к нему уважительное, но с некоторым опасением), водяного (дух, живущий в воде; «хозяин» водной стихии), лешего (лесной дух, «хозяин» леса), бабу-ягу (лесное божество, ведьма), Кощея (Кащея) Бессмертного (персонаж с неясной этимологией, возможно, что образ имел отношение к обрядам посвящения, а также различным языческим обрядам), черта (обобщающее название нечистых духов), беса (нечистый дух; черт), демонов (злые духи), вампира (оборотень-кровосос), упыря (колдун-покойник), русалку (дух в женском облике, связан с водоемами, также лесом, полем и т. д.), приведение (призрак умершего существа), полтергейст (явления неизвестной природы).

Источниками континуума злых духов в ответах китайских информантов так же, как и добрых духов, явились религиозные течения, культы и роман «Путешествие на Запад». 40 % ответов включали 白骨精 (Байгу цзин)

– «демона белой кости», 50 % – 猪八戒 (Чжу Бацзе) – Чжу Бацзе (персонажи романа «Путешествие на Запад»), 30% – 阎罗王 (Янь ло ван), 厉鬼 (Ли гуй) – злые духи, демоны, 吊死鬼 (Дяо сы гуй) – призрак повесившегося, 无常 (У чан) – Учан, посланец царства смерти, 恶鬼 (Э гуй) – в буддизме – злой демон, губящий людей, 妖精 (Яо цзин) – оборотень, нечистая сила.

Континуум злых духов, указанных русскими информантами, составили персонажи славянской мифологии и фольклора – кикимора, домовая, леший, Баба-Яга, водяной, упырь, русалка, Кощей бессмертный присутствуют в 95 % ответов, 10 % составили потусторонние духи, относящиеся к мифологии и фольклору Западной Европы – вампир, полтергейст, приведение.

В ответах китайских информантов духов, существ, которые бы поощряли детей за хорошие поступки, приносили им подарки – нет. Китайские информанты в качестве дарителей назвали маму, папу, дедушек и бабушек. На праздник Весны (春节 Чунь цзе), Китайский Новый год, детям традиционно дарят красные (красный цвет символизирует счастье и удачу) конверты (红包 хун бао) с деньгами.

В ответах информантов, носителей русской культуры, первое место по числу ответов занимают главные персонажи в праздновании Нового года – Дед Мороз, а также Дед Мороз и Снегурочка. Восточные славяне в дохристианский период персонифицировали такое природное явление как мороз – это был старец с бородой, который ходил по лесам и полям и вызывал морозы. Образ седого старика с длинной бородой, одетого в шубу красного или синего (реже белого) цвета, сохранился и до настоящего времени. После принятия христианства этот образ сохранился как в народных сказках, так и в авторских (В. Одоевский «Мороз Иванович», В. Даль «Девочка-снегурочка», М. Михайлов «Два мороза», «Морозко»). Сам образ Деда Мороза сложился к началу XX в., но символами празднования Нового года Дед Мороз и Снегурочка становятся только в 1930-е гг. XX в. И, как показал опрос, эти образы остаются неотъемлемыми атрибутами праздника и по сей день.

На вопрос о том, кем пугают в детстве, если дети себя плохо ведут, не выполняют требования взрослых, китайские респонденты назва-

ли: 70 % волка / большого серого волка (狼 лан / 大灰狼 да хуй лан) – 70 % и 40 % – черта (鬼 гуй). В ответах носителей русской культуры первое место (95 %) также занимает *серый волк*, кроме того, в ответах большинства респондентов присутствует *бабай / бабайка*. В большинстве случаев волк персонаж отрицательный как в восточной, так и в европейской культуре. В сказках он, как правило, противопоставлен добрым героям, и именно с ним идет борьба, но в большей степени это относится к фольклору Западной Европы. В русских сказках волк также может быть отрицательным персонажем («Колобок»), но чаще – это помощник главного героя («Иван-царевич и Серый волк»), либо персонаж, который вызывает скорее жалость и сочувствие, чем страх, так как именно на него сыплются неприятности («Лиса и Волк»). Бабай или бабайка – это «таинственное существо в образе страшного старика, которым пугают детей», «...обозначает нечто таинственное, не вполне определенного облика, нежелательное и опасное» [Власова, 1995, с. 42]. Страх детей вызывают не сказки «о злом волке», а упоминание о «сером волке» и «бабае» в колыбельных, которые поются детям на ночь, что и было отмечено русскими респондентами, примером послужили общеизвестные слова русской народной колыбельной: «Баю-баюшки-баю, / Не ложися на краю: / Придет серенький волчок, / И укусит за бочок». Именно «бабай / бабайка» и «серый волк» указывались как существа, которые «украдут» или «укусят» детей, если они не будут спать.

При проведении анкетирования было выявлено, что русские информанты исследуемого языкового сообщества (студенты), столкнулись с трудностями при ответе на вопросы о добрых духах в русской культуре, малое число информантов (2 %) отнесли к ним религиозные образы – Бога и Божью Матерь, 10 % были названы ангелы, что существенно отличается от данных, полученных от китайских информантов: в их ответах преобладают (от 10 % до 56 %) именно главные образы буддизма, даосизма, мифология. Как отмечает Я.Я.М. де Гроот, «...как только мы обращаемся к религии (Китая), то с удивлением обнаруживаем, что высокоразвитые конфуцианство, даосизм или буддизм занимают довольно скромное место в ее системе, а го-

сподствует в ней <...> вполне архаические и в чем-то примитивные представления и культы – культ предков, почитание божеств...» [Де Гроот, 2000, с. 10–11]. Эти слова были написаны о китайской культуре конца XIX – начала XX вв., но не теряют своей актуальности и в наши дни. Интересным в работе стал тот факт, что и представители русской культуры в числе добрых духов называли духов предков и некие аморфные образы («что-то летающее, неизвестное», «белое облако с силуэтом человека»). Что касается континуума злых духов, то среди указанных представителями русской культуры образов, отмечается высокий процент (95 %) духов славянской мифологии, перешедших в русский народный фольклор. Присутствие этих образов в русских сказках, возможно, объясняет столь высокий процент их упоминаний. Также в ответах (10 %) присутствуют образы потусторонних духов, относящихся к мифологии и фольклору Западной Европы. В силу того, что опрос проводился среди молодых людей, от 18 до 23 лет, можно предположить, что на этот факт повлиял поток хлынувшей из Западной Европы и США мультимедийной продукции (кинофильмы, мультипликационные фильмы), где персонажами и являются указанные образы, чего не было отмечено в ответах китайских информантов. В ответах последних можно отметить большую значимость в культуре Китая одного из классических романов «Путешествие на Запад», персонажи которого были указаны в континууме и добрых, и злых духов. Следует отметить факт упоминая *серого волка* (образ запугивания детей) как в ответах русских информантов, так и китайских. А также отсутствие существа-дарителя в китайской культуре, но наличие и значимость этого образа в русской.

Изучение этнокультурной эмблематики позволяет глубже и шире проникать в культуру разных этнических групп, языковых сообществ, помогает взаимопониманию между представителями этих культур, дает возможность для более детальных исследований как культуры, так и языка разных этносов.

Библиографический список

1. Адоньева, С.Б. История современной новогодней традиции [Текст] / С.Б. Адоньева // Мифология и повседневность : сборник. – СПб. : ИРЛИ РАН, 1999. – № 2. – 372 с.
2. Власова, М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий

- [Текст] / М. Власова. – СПб. : Северо-Запад, 1995. – 383 с.
3. *Де Грот, Я.Я.М.* Демонология древнего Китая [Текст] / Я.Я.М. Де Гроот. – СПб. : Евразия, 2000. – С. 10–11.
 4. *Душечкина, Е.В.* Три века русской елки [Текст] / Е.В. Душечкина // Наука и жизнь. – 2008. – № 1. – С. 110–116.
 5. *Красных, В.В.* «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
 6. *Малявин, В.В.* Китайская цивилизация [Текст] / В.В. Малявин. – М. : Астрель, 2001. – 631 с.
 7. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
 8. *Пименова, М.В.* Культурные коды и авторская концептуализация сердца (на примере произведений С.А. Есенина) [Текст] / М.В. Пименова // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования : в 2 ч. – Самара : СГУ, 2006. – Ч. 2. – С. 7–14.
 9. *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
 10. *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

УДК 81-122.2

ББК 81.2

В.В. Аникина

МЕСТО КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ: ЕВРОПЕЙСКИЙ, ВОСТОЧНЫЙ ПОДХОДЫ

Статья освещает актуальный вопрос о месте корейского языка в генеалогической классификации языков. Рассматриваются основные характеристики теорий западноевропейских лингвистов, а также учение корейского лингвиста Ли Ги Муна. Определяется общее и отличное в подходах корейского и европейского языкознания к вопросу установления родственных отношений корейского языка с японским, а также с языками алтайской семьи.

Ключевые слова: алтайская теория; реконструкция; когурьеский язык; пэкческий язык; силлаский язык

V.V. Anikina

THE POSITION OF KOREAN IN THE GENETIC CLASSIFICATION OF LANGUAGES: EUROPEAN VS. EASTERN THEORIES

This article is focused on the position of Korean in the genetic classification of languages and theories proposed by the European and Korean linguists. Besides, the article defines common and distinctive features of European and Korean theories on genetic affinity of Korean with Altaic and Korean with Japanese.

Key words: Altaic theory; reconstruction; Koguryŏ language; Paekche language; Silla language

В современной лингвистике вопрос о принадлежности корейского языка к алтайской языковой семье остается спорным. Несмотря на то, что большинство европейских и корейских филологов являются сторонниками теории родства корейского языка с языками алтайской семьи, им противостоят отдельные ученые, которые придерживаются иного мнения. В связи с этим все существующие теории в европейском и корейском языкознании можно свести к двум основным: алтайская и не-алтайская. Анализ этих взглядов мы и рас-

сматриваем как цель нашей статьи.

В российской научной литературе корейский язык традиционно трактуется как язык изолированный, генетические связи которого устанавливаются лишь гипотетически [Ярцева, 1998, с. 240], либо как язык, не относящийся ни к одной языковой семье. Однако относительно недавно в свет вышли фундаментальные работы А.В. Дыбо, С.А. Старостина, в которых приведены веские доказательства в пользу родства корейского языка с языками алтайской семьи. В европейском и корейском